

АГРИППИНА МИХАЙЛОВНА ЧЕРНОУСОВА

А. М. Черноусова — в 1927 г. крестьянка 43 лет из д. Засурье (близ Суры) Карпогорского района. Родом она из той же деревни. Малограмотная. Былине о Романе и Настасье научилась от матери своей, Марьи Ивановны Мерзлой, вышедшей замуж из Суры в Засурье. «Мать певка была, всё пела песни, стихи, — рассказывала А. М. Черноусова, — сама девкой пела, а жонкой мало, муж не любит». Былину о Романе и Настасье называла «стихом», говоря, что в великом посту ее пели старухи. Про Илью Муромца слышала от отца, Михаила Григорьевича Мерзлого, который знал несколько богатырских былин, но детям их не пел, а рассказывал. Сама А. М. Черноусова, рассказав про Илью, прибавила: «Может, и дальше сказывали, да я не знаю». По ее словам, «много про Илью» знал муж ее, Григорий Михайлович Черноусов, постоянно рассказывавший детям всякие сказки да побывальщины. Но сам Черноусов решительно против этого возражал и, несмотря на все мои уговоры, не хотел ничего рассказать.

Кроме былин, А. М. Черноусова знала еще стихи «Богородицын сон», «Как душа с телом расставалась» и про Алексея. Последний рассказала, как сказку (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. III, папка 2, №№ 7, 8).

КАК РОМАН ЖЕНУ УБИЛ

- Во первом во терему живал Роман с женой,
 Во втором-то терему жила Настасья Романовна,
 Настасьюшку матенка спать укладает:
 «Уж ты спи-тко, мое дитятко Настасья Романовна,
 5 Поутрешку вставай-ка ранехонько,
 Ты умойся, уцешвсь,
 И избушку подпаши
 И богу помолись».
- Настасьюшка встала утрешком ранехонько,
 10 И умылась, и уцешалась, и богу помолилась.
 — «Татенка, татенка, где же моя матенка?».
 — «Ушла твоя матенка во темной погреб за репой».
 Уж пошла Настасья Романовна, повозрадовалась,
 Постояла, посмотрела на цетуре стороны —
 15 Уж как нет-то родимой матенки,
 Пошла, порасплакалась,
 Она татенки приразжалилась:
 «Татенка, татенка, нет-ко родимой матенки».
 — «Ты не плаць-ко, Настасья Романовна,
 20 Я другу заведу тебе матенку».
 — «Мне другу-то не надо, надо родима-то матенка».
 — «А ушла твоя матенка во божью церкву богу
 молитця».
- Уж пошла тут Настасья Романовна, приразрадовалась,

539

- Уж как в церковь-то заходила богу молвтыця,
 25 Крест-то кладёт по писаному,
 Поклон ведёт по уцёному,
 Стары-то старушки богу молятця,
 Пожиты-то жонушки прираздумались,
 А малые ребятки-то прирасхвостались.
 30 Постояла, посмотрела на цетыре стороны —
 Нету родимой матенки.
 Пошла да прирасплакаласи,

Встретила два волка бежа,
Оба на небо гледи.
35 — «Куда, волки, бежитё,
Куда, сэры, спешитё?».
— «Мы бежим–то спешим во цистó полё,
Где Роман жену убил,
В цисто поле схоронил,
40 Бежим кровь лизать».
Тут же Настасья приросплакалась,
Пошла татенке приразжалилась:
«Уж ты, татенка, татенка, где моя матенка?».
— «Ты не плаць–ка, Настасья Романовна,
45 Я те шубу сошью, сарафан заведу».
— «Мене шубу–то не надо, сарафана–то не надо,
Надо родимая матенка».
— «Ты не плаць–ко, я тебе нову заведú молодú».
— «Мне–ка нову не надо, надо родимая мáтенка,
50 Молода–то бранцива и меня буде не любить».

ПРО ИЛЮ

Вот у старика и старухи был сын и звали его Ильёй. И он был седун до тридцати лет. До тридцати лет сидел, ног не было. И раз у его родители были в поле, и он жил один в избе. И к нему подходит старец и говорит: «Отвори мне воротá». — «Я бы открыл, да у меня ног нет». — «Встань и открой». Мальчик

540

встал и открыл воротá. И он спросил, что чувствует пред собой. И он ему ответил: «Кабы был столб, я бы всю землю поворотил». И он налил в цюшечку воды и дал ему испить. И старицок спрошá Илью: «Что цюствуешь над собой?». — «Я цюствую полсилы». И он ещн ему цюшечку налил. И он сказал: «Было бы способность, я бы все дóмы переверотил». И старицок ещн дал ему испить. И он остался первый боhатырь к первый вояка.

541